

КЕЧИЛ-ООЛ ВЕДЕТ БОЙ

Это была третья деревня, которую брали штурмом.

Бой за Сурмиче обещал быть кровопролитным, потому что хутор Сурмиче находился на главном направлении удара полка Ефима Попова.

Здесь у врага была заранее подготовленная оборона.

И в захваченном конногвардейцами приказе командира гитлеровской пехотной дивизии Сурмиче именовался той самой «крепкой скорлупкой», о которую должны обломать зубы советские казаки, решившие добраться до самого «орешка».

Пленные показали, что их командование убеждено, что русские понимают, насколько важно владеть хутором, прикрывающим город и крепость Дубно.

Немцам же, в свою очередь, отдавать Дубно русским — смерти подобно! Дубно — перекресток важнейших коммуникаций противника, автомобильных и железнодорожных.

Оборонять его крайне выгодно, так как местность с крепостного вала хорошо просматривается. Кроме того, местность эта на ближних подступах к Дубно сильно заболочена.

А вдобавок ко всему, чтобы проникнуть к стенам Дубно, надо преодолеть Икву. На ее берегах много раз в былые времена шумели битвы.

Здесь воевал легендарный Тарас Бульба.

Здесь же воевал герой Украины Богдан Хмельницкий. Много позже на берегах Иквы совершил свой классический прорыв генерал Брусиллов. И здесь же преследовали врага конноармейцы во главе с Буденным...

Таковы следы истории, о которых отлично знал командир 31-го гвардейского кавполка Ефим Попов и ничего не знал командир четвертого эскадрона Кечил-Оол, прибывший на фронт из братской Тувинской Народной Республики.

— Так вот, капитан! — разговаривая с ним утром по телефону, напомнил Попов. — Теперь ты все знаешь об этих местах! Потому, капитан, коль ты уж стал казаком, так и действуй по-казацки! Не посрами доброй казачьей славы!

Попов не преувеличивал, когда говорил иногда о своей любви к «сильным» выражениям.

Бывало, что надо было отчитать кого-либо из подчиненных. Он делал это приблизительно в таком духе: «Что ж ты, такой-рассякой, нашу вечную славу позоришь?»

Все это произносилось с душой, и, конечно, порой, не без юмора, который молодому полковнику был присущ в высшей степени.

К капитану Кечил-Оолу и его эскадрону Попов, как и все окружающие, относился по-особенному. И не только потому, что четвертый эскадрон — это сыны далекой Тувы, маленькой республики, но и потому, что любое распоряжение выполнялось ими неукоснительно, бесстрашно и точно.

Полковник Попов, выдавший виды на своем солдатском веку, проникся уважением и любовью к энергичному мужественному капитану. И дружбу их скрепила шашка, подаренная полковником Кечил-Оолу в боях за освобождение Ровно.

Кечил-Оол и в этой операции ни на миг не порывал связи с полковником.

— Противник головы поднять не дает, — громко докладывал он. — Что? Откуда бьет? Будет выяснено! — Да! Нахожусь на северо-западной окраине Рячино! Сурмиче рядом, высылаю разведку!

...В ночную разведку ушли десять автоматчиков. Их возглавлял старший сержант Лама-Сюрюн. Небо то и дело высвечивалось огнем артиллерии, ракетами и прожекторами.

Разведчики упрямо ползли по болоту. Вот они уже проникли за проволочные заграждения. Вот они уже обстреляны немцами. Но нельзя уйти, куда не станут ясными огневые средства противника.

Лама-Сюрюн пошел в разведку, несмотря на то, что был ранен в руку. Вернувшись в землянку Кечил-Оола, он доложил обстановку:

— Товарищ гвардии капитан! Обнаружил сарай и два домика. В сарае минометная батарея. Очень злой огонь. Минометчиков поддерживает станковый пулемет. Левее сарая. На крыше сарая — ручные пулеметы...

Капитан внимательно слушал и зеленым карандашом наносил на карту огневые точки немцев.

— А что в этих двух домиках? Пустыми они быть не могут?

— Нет, товарищ гвардии капитан! Я там обнаружил около двадцати вражеских автоматчиков.

— Так, — задумался капитан. — Это на первой линии. Теперь меня интересует Сурмиче. И главным образом церковь. Что там?

— Там? Из церкви ведет огонь батарея шестиствольных минометов. Сплошная стена огня!

— Очень хорошо, — неожиданно заключил капитан. — А как мосты через Икву? Их там четыре? Меня интересует первый!

— Его прикрывают автоматчики. И станковый пулемет. Автоматчиков около пятнадцати.

— Что еще имеешь доложить? — капитан оторвался на миг от карты и посмотрел на вымокшего и грязного разведчика с окровавленным бинтом на руке. Разведчик вытянулся и отрезал:

— Все, товарищ гвардии капитан!

— Спасибо, Лама-Сюрюн! — улыбнулся Кечил-Оол, приподнявшись с деревянного ящика из-под мин.

Он протянул свою небольшую крепкую руку разведчику.

— Служу Советскому Союзу! — громко, превозмогая боль в руке, отчеканил Лама-Сюрюн. А комэск уже

снова снял телефонную трубку, чтобы доложить обстановку полковнику.

После того, как он доложил данные разведки, наступило напряженное молчание.

— Жду вашего решения, — прозвучало в землянке. И снова молчание. А когда капитан произнес: — Так точно! Будет выполнено! — и опустил трубку, все облегченно вздохнули.

Кечил-Оол обвел всех, кто был в землянке, медленным взглядом. Кроме него и Лама-Сюрюна, здесь были парторг Байсклан, офицер штаба полка Михайлов, Сапсуккай и другие.

Все ждали, что сообщит капитан.

— Полковник приказал занять церковь и выйти на первый мост. Смотрите на карту. Вот здесь отдельные домики, покинутые немцами. Мы уходим с окраины Рячино к этим домикам. Там исходный рубеж. Сейчас 22.00, — капитан посмотрел на часы. — Нам осталось только два часа...

Лама-Сюрюн сверил свои часы: — Да. Только два!

В полночь эскадрон вышел на исходный рубеж.

Спешенные конники залегли в грязи, готовые к атаке.

Началась артиллерийская обработка переднего края врага.

«Бог войны» в самом деле так разбушевался, что сабельники готовы были стоя идти на врага. Об этом мне шутя заметил полковник Попов.

Конечно, шутя. Обстановка была не из простых. Заголосила крепостная артиллерия немцев. С флангов затрещали их крупнокалиберные пулеметы. Море огня.

Кечил-Оол усмехнулся.

— Головы не поднять! А идти надо!

В это время санитарки Сна и Дарья провели двух раненых.

Кечил-Оол проговорил им вслед:

— Всего двое. Хорошо, что не больше. Спасибо, ночь выручает.

Огонь усиливался.

Кечил-Оол снова взял трубку.

Попов, внимательно выслушав капитана, приказал закрепиться, а на рассвете занять хутор.

Ты слышишь меня, Кечил-Оол? — продолжал он. — Справа будет эскадрон Ахмеджанова. Слева — эскадрон Каташова. Фланги они тебе прикроют. Но смотри! Тебе назад некуда! А потому жми вперед! Говори сразу, в чем нуждаешься? Учтем.

Капитан попросил дать огоньку по немцам, засевшим в сарае, домиках и церкви, — главных опорных пунктах противника.

По просьбе капитана огонь был дан, и огневые точки врага на время замолкли. Кечил-Оол воспользовался этим, закрепился и организовал вторую разведку. Шесть бронейщиков во главе с Тажи-Сереном подтвердили данные. И капитан решил повторить атаку.

Прошло четыре часа... Спешенные тувинцы достигли переднего края немецкой обороны. Это были четыре ряда противотанковых рвов, доверху наполненных водой. Немцы обнаружили конногвардейцев и открыли ураганный огонь. Капитан расположил свой КП в полутораэтажах метрах от ближнего рва в полусожженной хате. Быстро дали провод.

Кечил-Оол с радостью узнал, что ему приданы минометный взвод и две полковые пушки. Он поблагодарил Попова и обернулся к заместителю:

— Отлично, Байсклан! — подмигнул и нацарапал карандашом решение: командиру минометного взвода дать огонь по сараю и подавить минометную батарею немцев. Пушкам подавить пулеметы левее сарая и уничтожить зажигательными снарядами домики с гитлеровскими автоматчиками.

Попов ударил по церкви.

Под этим прикрытием тувинцы вброд и по льду перешли три ряда рвов. Остался последний. Самый трудный. Четвертый ров. Шириной четыре и глубиной два с половиной метра!

Дорогу преградила новая стена вражеского огня. На этот раз намного сильнее прежней. Немцы били по наступающим: их освещало зарево подожженных домиков.

Капитан, лежа в окопчике, понял, что стреляют из города. Тяжелая артиллерия, укрытая крепостной стеной, создала сильную завесу огня. Сабельники вынуждены были переждать.

В это время над ними появились атакующие «юнкеры» под прикрытием «мессеров».

Грянули дружные залпы по самолетам. Удалось расчленил строй немецких самолетов и заставить их отбомбиться куда попало.

Так начинался день...

Кечил-Оол вел непрерывную разведку.

Он определил, что около церкви находится артбатарея немцев. А в районе домиков скопилось к этому времени до роты пехоты. Но враг не дремал, он обнаружил КП Кечил-Оола в отдельной хате и ровно в полдень начал ожесточенно его обстреливать.

Два снаряда попали под хату, но не взорвались.

Три — не долетели.

А два последних пролетели в стороне.

Явно, что били с церкви, создав заградительный огонь, чтобы прервать связь эскадрона с тылами.

И так прошло два часа под огнем.

А в четырнадцать часов неутомимый старшина эскадрона Санчи-Оол проник в эскадрон из тыла полка и доставил боеприпасы: гранаты, снаряды, мины. А также и горячую пищу для бойцов.

Обратно старшина решил не возвращаться. Он встал в боевые порядки эскадрона, чтобы сражаться рядом с товарищами.

Перестрелка не прекращалась.

А тем временем к эскадронам, сражавшимся за Дубно, подошел корпусной резерв. По просьбе Попова ударила корпусная артиллерия. Конногвардейцы Кечил-Оола преодолели последний ров и вышли к самой проволоке, на рубеж атаки.

...Капитан облегченно вздохнул. Но вдруг снова заговорила вражеская артиллерия. Затрещали автоматы немцев. От командиров взводов пришли донесения. Продолжать атаку стало невозможно. Кечил-Оол рас-

сердился на такие известия. Доложив полковнику, он покинул КП и пополз вперед. Под ураганным огнем врага он пробился к своим взводам. Он был доволен тем, что пулеметчики Бурзеккея и бронбойщики надежно прикрыли фланги эскадрона.

«Здесь можно быть уверенным!» — подумал он. И приказал бронбойщику Семис-Оолу, лежавшему рядом, зажигательными пулями сжечь белую хату, откуда били гитлеровские автоматчики.

Командирам взводов через связных он тут же передал приказ: во что бы то ни стало преодолеть проволоку!

— Гвардейцы! За Родину! Вперед за мной! Ура!

Кечил-Оол, а за ним и все сабельники ринулись врукопашную. Немцы дрогнули, увидев разъяренных гвардейцев, которые, преодолев проволоку, ворвались на хутор. Сразу же они захватили два пулемета и два миномета, оставленных немцами. В полусожженной хате обнаружили пятнадцать обугленных фашистских трупов.

Преследуя врага, эскадрон Кечил-Оола освободил Сурмиче и завязал бои у четырех мостов...

...На митинге в эскадроне еще в октябре старший лейтенант Байсклан заявил: «Мы знаем, что победа Красной Армии есть победа нашего народа».

Капитан Кечил-Оол сказал: «Мы благодарим за высокое доверие. Скоро услышат и о наших хороших делах»...

В торжественной тишине слушали их тогда товарищи. С воодушевлением они внимали словам приветственной телеграммы товарища Салчак Тока. Ибо в словах добровольцев Тувы и в приветствии их руководителя светилась горячая любовь к Великому Советскому Союзу, к его Красной Армии.

Общее пламенное патриотическое чувство и единая неутомимая жажда мести общему врагу сцементировали дружбу конников, которым предстояло брать большой город.

По вековым болотам конногвардейцы двигались круто на юг и неожиданно очутились под стенами Ровно. Враг заметался. Но он был уже обречен.

А добровольческий эскадрон во главе с Кечил-Оолом в конном строю под сильным артиллерийско-минометным огнем ворвался на железнодорожную станцию и стал рубить немцев. Трудно выделить, кто тогда лучше дрался.

Старший лейтенант Байсклан, принявший командование взводом, вел своих бойцов на врага. Он был тяжело ранен, но не ушел с поля.

Так же дрались и бойцы старшего лейтенанта Солак. Они истребили 65 немцев. 15 врагов убил сам Солак, подлинный богатырь Тувы. Раненый пулеметчик Шет подавил два немецких станковых пулемета. Не ушли с поля боя и гвардии рядовой Лама, тяжело раненный связной Кечил-Оола, многие и многие бившиеся до последнего дыхания.

Смертельно раненный гвардии сержант Пекзы-Хурак пробрался в тыл к немецкому пулемету и под огнем забросал расчет гранатами.

Не менее славный подвиг совершил гвардии старший сержант Чот. Он выдвинулся со своим пулеметом вперед и в поединке с противником уничтожил немецкий пулемет вместе с расчетом. Во время контратаки гитлеровцев Чот остался прикрывать отходящий на другой рубеж эскадрон.

Он остался один и к нему подкрались три немца. — Сдавайся! — закричали они, напав на него.

Чот не растерялся, одного убил прикладом, второму пустил последнюю пулю, третьего задушил голыми руками.

По всему фронту прогремела слава одиннадцати пулеметчиков, бессмертных героев офицера Бурзеккея, не дрогнувших при отражении вражеской контратаки у хутора Сурмиче.

Вместе с ними отважно бились пять бронебойщиков под командованием гвардии старшины Тажы-Серен.

Эти люди до последней капли крови отстаивали свой рубеж. Они не опозорили своего имени отступлением.

Они, как каменная гора, стали на пути врага и остановили его.

Тувинцы-пулеметчики
Не бросили поста.
Погибло их одиннадцать,
А немцев больше ста.

Но слава их бессмертная
Домчится до Саян.
А здесь в минуту отдыха
Споет о них баян...